

Б.Г. СОКОЛОВ*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет***ИНДЕКС Х И ИНДЕКС Ц**

В статье рассматривается современная ситуация в оценке научного знания. Автор оценивает внедрение наукометрии как отрицательный шаг в отношении функционирования научного знания. Основные параметры наукометрии – индекс Хирша и индекс цитирования представляются не только абсурдным, но и крайне вредными по последствиями для гуманитарного научного знания показателями. *Ключевые слова:* гуманитарное знание, индекс цитирования, индекс Хирша, наукометрия.

Не от хорошей жизни этот демарш. Но от того абсурда, который как тошнота обволакивает гуманитарное (и не только) знание. И – наверное – наивен, но что ж поделать – попытка хоть что-то сделать или изменить, ну хоть что-то... может быть сказать «Король-то голый».

Возможно, попытаться переломить абсурд доведением его до степени абсурда...

И – главное – провести вполне внятный научный эксперимент по канонам того маразма, что еще раз внятно продемонстрирует всю тупиковость того, что «научообразно» именуют «наукометрией». Ну и, конечно, призыв – поучаствовать в нем всех тех, кто как «Ваш покорный слуга», не то, чтобы «не совсем согласен», но полностью и решительно не согласен...

Как поучаствовать....? Но по порядку...

Для современного ученого аббревиатура Х и Ц в сочетании с титулом «индекс» до боли – именно до головной боли – знакома. Это – индекс Хирша и индекс Цитирования. Не от хорошей жизни в научном знании, как я полагаю, это случилось, особенно в гуманитарном знании. Позволю себе афоризм, перефразирующий один сюжет из советского фильма (а именно фильм «Золушка»), где злобая (а в фильме потешная в своей злобе) мачеха Золушки, она же по «совместительств» мать страшилок-дочерей, собирала «знаки внимания» со стороны принца. В чем-то наивно полагая, что их можно «обменять» на любовь, и, уж во всяком случае, предъявить как «вещественные доказательства» этой самой отсутствующей любви...

Когда нет любви, тогда есть «знаки внимания»

Когда нет мысли, тогда есть индекс цитирования...

Позволю себе и несколько фраз об «истории вопроса».

Первая «фраза». Цитирование – средневековый христианский стиль научности. Здесь стоит пояснить: наука – это не отнюдь не умение считать, делать эксперименты или приводить доказательства. Нет, конечно, и такое бывает, но не только. Если, конечно, мы выйдем за пределы пространственно и временно ограниченного мирака новоевропейской культуры и посмотрим, что в разные периоды истории разные народы понимали под наукой. Наука – это слово и мысль о существенном и его прояснение. А разные культуры опознавали существенное по-разному. И если для Средневековья существенное – это спасение, то и наука выстраивалась согласно этому существенному. Именно поэтому вершиной научного знания тогда была теология, ибо, прежде всего, в ней говорилось о самом существенном (спасение и Бог) и, в согласии с этим существенным, выстраивался «научный аппарат», стиль, цели и т.п.

Итак, модель цитирования восходит к средневековой научности, где цитата выполняла во многом ту роль, которая сейчас отводится эксперименту, поскольку обеспечивала вменяемость, солидность сказанного, ибо ссылались на Авторитет. Авторитет, прежде всего, Священного писания. Сказанное, написанное, через привязку цитату к Авторитету, получало свое «научное алиби».

Неисповедимы пути... научного знания и научной традиции – цитата стала (не вдруг и не сразу) аргументом научной вменяемости. Особенно данная ситуация «потешна» в российском научном мире, который помнит еще своеобразное «средневековье» марксистской традиции, где цитата из «классиков» или постановлений Партии и Правительства была обязательной асаной научной работы. И вот сейчас очередной ренессанс «цитаты»...

Вторая «фраза». Индекс цитирования – это «игрушка», имеющая свой современный исток, прежде всего, в естественнонаучном знании. Нет, я ни в коей мере не встаю в оппозицию тому знанию, которое в XIX веке обрело свою автономию, а именно естественнонаучный «сектор» науки как таковой. Хотя до этого времени как-то обходились без подобной «автономии»: знание представлялось в целом единым. Скажу честно: «страшно далеки они от народа». Они – представители естественнонаучного цеха. Кто и когда читал и читает их труды[⊗]? Гуманитарии, они ближе «к народу», нет-нет да и забредут их книги на полки простых смертных. Коротко говоря: при всей результативности и успехах точное естествознание и его тексты и эксперименты – удел узкой социальной группы, которая не очень-то пользуется известностью у основной массы населения, без сомнения всю пользуящую плодами их трудов. А потому – трудно себе представить

многомиллионные или хотя бы многотысячные издания трудов выдающихся физиков или биологов (научпоп и мемуары не в счет: речь ведь идет об аутентичной научной работе или тексте). И чаще всего результаты научной работы в этой сфере – статьи, подчас статьи с десятками соавторов, которые участвовали в эксперименте.

И если в естественнонаучном знании еще хоть как-то оправдана наукометрия, ставящая своим ориентиром научную статью-публикацию, то иное положение в гуманитарном знании. Историков, психологов, политологов, даже философов читают и не профессионалы. Да и основная «единица сказанного» – это не статья, но КНИГА. То есть то, что называется на научном «жаргоне» монографией. Не случайно (не все традиции столь уж плохи) требования к докторской диссертации предусматривают наличие, прежде всего, монографии, где возможно адекватно, целостно и всесторонне рассмотреть гуманитарную проблему. А потому индексы цитирования, которые в основном «заточены» на статьи, не могут «по определению» отражать значимость и ценность того или иного автора или (как-то выветривается это понятие из научного дискурса современности, это, кстати, симптом-диагноз) мыслителя. Любой гуманитарий знает, что дистанция, «отделяющая» статью от книги, довольно значительна. Можно написать десятки статей по разному поводу, но вот объединить их – дело уже «иной», более высшей «по рангу», деятельности. Именно данное обстоятельство «упускается» в той модели индексов цитирования, которая инкорпорируется из естественнонаучного знания, не учитывая «национальную специфику» гуманитарного знания.

Теперь о самом цитировании, как оно реализуется в гуманитарном секторе. Цитата, конечно, уже не то сакральное алиби, как это было в Средневековой научной традиции, не ссылка на авторитет. Как и все в культуре, которая пришла на смену средневековой традиции, цитата уже «секуляризована» и не выполняет функцию указателя на авторитет, как это было, например, в схоластике, где в основном цитировалось то, что признавалось за «истину в последней инстанции», а именно на Священное писание и тексты христианских авторитетов «разного калибра». Через цитирование реализовывалась попытка получить внятную «научную индульгенцию» в отношении сказанного. Вектор цитирования был направлен от текста на авторитет. Если бы подобное было и в наши дни, то, пожалуй, наукометрия «цитатоцентризма» была бы оправдана, ибо цитируемое бы получало статус признаваемого и значимого в научном знании. Но сейчас время «несколько» иное. Цитируют не только как «склонение в

поклоне» признательности и уважения. Цитируют научных оппонентов, цитируют для того, чтобы показать, что осведомлены о контексте обсуждаемой проблемы, цитируют когда демонстрируют вектора мнений, подтверждая свою эрудицию в обсуждаемом вопросе. Наконец, цитируют «научных начальников», научных руководителей, принимая ритуальные позы научной и социальной этики. Цитированный текст, автор от этого цитирования, ни в коей мере не получают статус ценности.

Нет, конечно, с помощью цитаты можно отдать дань значимости или ценности цитируемой мысли или автору, но то, что в данном конкретном цитировании именно это произошло, не вычисляется той программой, которая считывает и уравнивает цитату, в которой «издеваются» над цитированным бредом, цитату, ритуально упоминающего начальника и цитату, ссылающуюся на авторитет...

При этом, конечно, забывают и о той специфике современного научного ритуала, когда цитирование в гуманитарной сфере – и это было задолго до «зарождения наукометрии» – просто принято, ибо таковы не всегда прописываемые правила гуманитарного дискурса, когда просто нужны ссылки на работы коллег или тех, кто работал и работает над сходными сюжетами...

Цитата – не показатель научной значимости цитируемого текста... Особенно сейчас, когда под напором «требуемых» показателей, цитируют себя, коллег (а они вежливо цитируют цитирующего)....

И если бы только одна напасть в виде требуемых цитат свалилась на и без того хилые плечи отечественного научного сообщества!

Огромное количество показателей разной масти, как попытка оценить или – выявить те «знаки внимания», которые ничего не скажут о том, есть «любовь» или нет...

Просто приведу показатели, которыми руководствуется РИНЦ (российский индекс научного цитирования) – российский аналог подобных же западных потуг подчитать мнения и этим эти мнения возвести в ранг Истины. Комментарии позволю себе только по поводу нескольких позиций.

Итак, авторы «оцениваются» по 26 показателям:

1. Число публикаций автора в РИНЦ.
2. Число публикаций автора с учетом статей, найденных в списках литературы.
3. Число цитирований публикаций автора в РИНЦ.
4. Число цитирований публикаций автора с учетом статей, найденных в списках литературы
5. Суммарное число цитирований автора

6. Число публикаций, процитировавших работы автора.
7. Индекс Хирша
8. Число самоцитирований
9. Число цитирований соавторами
10. Число соавторов
11. Среднее число цитирований в расчете на одну публикацию

12. Число публикаций в зарубежных журналах
13. Число публикаций в российских журналах
14. Число публикаций в российских журналах из перечня ВАК

15. Число публикаций в российских переводных журналах
16. Число публикаций автора, процитированных хотя бы один раз

17. Число публикаций в журналах с ненулевым импакт-фактором

18. Число цитирований из зарубежных журналов
19. Число цитирований из российских журналов
20. Число цитирований из российских журналов из перечня ВАК

21. Число цитирований из российских переводных журналов
22. Число цитирований из журналов с ненулевым импакт-фактором
23. Средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых были опубликованы статьи
24. Средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых были процитированы статьи
25. Число публикаций за последние 5 лет (2007-2011)
26. Число цитирований статей автора, опубликованных за последние 5 лет (2007-2011)

Число цитирований всех публикаций автора из статей, опубликованных за последние 5 лет (2007-2011)

Теперь небольшие – ибо говорить об этой «эпидемии наукометрии» можно долго – комментарии. Начнем, понятно, с индекса Хирша, предложенный не так давно, а именно 2005 году на суд научной общественности физиком Хиршом. Мне, честно, говоря, просто «лень» заниматься подробным «изучением вопроса», ибо сам сюжет всего этого, дело не только незначительное (если учитывать даже историю новоевропейской науки), но и в корне вредное по своим последствиям. А потому сошлюсь на «народную мудрость Википедии, в которой сказано следующее:

«Индекс вычисляется на основе распределения цитирований работ данного исследователя. Хирш пишет:

Учёный имеет индекс h , если h из его N_p статей цитируются как минимум h раз каждая, в то время как оставшиеся $(N_p - h)$ статей цитируются не более, чем h раз каждая.

Иными словами, учёный с индексом h опубликовал h статей, на каждую из которых сослались как минимум h раз. Так, если у данного исследователя опубликовано 100 статей, на каждую из которых имеется лишь одна ссылка, его h -индекс равен 1. Таким же будет h -индекс исследователя, опубликовавшего одну статью, на которую сослались 100 раз.

В то же время (более реалистический случай), если среди публикаций исследователя имеется 1 статья с 9 цитированиями, 2 статьи (включая уже упомянутую статью с 9 цитированиями) с не менее, чем 8 цитированиями, 3 статьи с не менее, чем 7 цитированиями, ..., 9 статей с не менее, чем 1 цитированием каждой из них, то его h -индекс равен 5 (так как на 5 его статей сослались как минимум по 5 раз).

Иначе говоря, для определения индекса Хирша рассматриваемые статьи располагают по убывающей числа ссылок на них. Далее, определяют статью, номер которой совпадает с числом её цитирований. Это число и есть индекс Хирша¹

Все прекрасно, если бы речь шла о статистике, а не о реальном «контенте» науки. Грубо говоря, индекс Хирша – это «сынишка» индекса цитирования, его слегка модернизированная версия. Как и индекс цитирования, индекс Хирша ничего не говорит о самом тексте, о том, что там сказано, как сказано, насколько это ценно или значимо для науки. Нет, честное слово, даже те показатели (не менее «потешные», но, увы, до сих прописываемые в диссертациях, авторефератах), как практическая значимость и возможность применения в народном хозяйстве, например, исследований древнешумерских глаголов, кажется более отражающей значимость научной работы. Как и все указанные и неуказанные наукометрические параметры, индекс Хирша ни в коей мере не является внятным инструментом в оценке научного исследования или исследователя. Это – статистика, не более.

К сожалению, в текущей ситуации – более... Ибо все эти показатели оказываются теми телосами, к которым начинает стремиться научное сообщество и с которыми оно, научное сообщество

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/H-индекс>

(особенно молодые ученые), начинает соизмерять свою работу. Именно данные показатели оказываются теми императивами, которые внятно и недвусмысленно начинают навязываться чиновниками-от-науки (которые, как известно во многом и решают судьбу конкретного ученого или направления исследования) как цели научной работы. Уже не ориентируют на «открытие», но на повышение своих наукометрических показателей. Научное сообщество начинает испытывать довольно жесткий прессинг (своеобразная мания, которая оказывается уже внедренной в само сознание ученого) со стороны наукометрии, уже давно претендующей не на роль статистических исследований, но на функцию оценки значимости, ценности, наконец, истинности...

Вернемся, однако, к некоторым показателям, которые «озвучил» РИНЦ.

Число публикаций автора в РИНЦ. Учитывается то, что размещено в электронной библиотеке e-library. Преимущественно то, что оказалось в журналах, которые «закачены» в РИНЦ. Монографиям (индивидуальным и коллективным) там место не «резервируется». По крайней мере, на данном этапе. Не думаю, что при «крене» в сторону статей, что-либо изменится. Целый пласт, и, как правило, самый ценный в гуманитарном знании, оказывается попросту «выброшен», ибо не учитывается.

Число публикаций автора с учетом статей, найденных в списках литературы. Иногда в списки публикаций попадают и те статьи, которые не размещены в e-library. Некий бонус-реверанс в сторону тех (опять же только статей в журналах) журналов, которые волею судьбы или нерадивости редакций, или по причине их «закрытия» оказались за порогом «Рая РИНЦ».

Число цитирований публикаций автора в РИНЦ. Самый «сладкий» показатель вменяемости – цитата из самого РИНЦ. Я полагаю, что речь скорее идет о «комплексе неполноценности» этого самого РИНЦА.

Число цитирований из зарубежных журналов. Довольно «травматичный» показатель для российского гуманитария, ибо почти не достижим для нормального среднего ученого. Специфика гуманитарного знания – тесная связь с культурным контекстом и, прежде всего, с языком. Исследования и работы в гуманитарной сфере во многом обращены не к «нейтральному» знаку, но – к символической сфере, которая с трудом переводится на иностранные языки без утраты возможно самого существенного. Нет, конечно, можно перевести поэму на иностранный язык, но, как правило, для

этого необходим носитель языка, «нутром» чувствующий нюансы. Во многом именно по этой причине – а не потому, что не знают отечественные гуманитарии иностранных языков – нам, российским ученым, работающим в гуманитарной сфере, никогда не добиться тех «выдающихся» показателей, которые имеют англоязычные ученые. Система нынешних научных показателей выстроена из горизонта английского языка, но никак не русского, хинди или японского, а потому и изначально инкорпорирует «англоцентризм» в наукометрические показатели. Не совсем «владею» данным вопросом в других областях гуманитарного знания, но в отношении той сферы, в которой работаю – философия – я полагаю, что английский язык не самый лучший вариант для передачи мысли. Русский, французский или немецкий – более приспособлены для «работы» с философской мыслью, нежели «грубоватый» английский.

Число публикаций в российских журналах из перечня ВАК. Особый пункт. Публикации из перечня ВАК. Как представляется дело «по намерению» благое. В ситуации, когда можно издавать за небольшие деньги все и вся в бесконечных количествах экземплярах, была осуществлена попытка, ввести ранжирование журналов, в которых необходимо опубликовать статьи, которые «учитываются» в процедурах достижения кандидатских и докторских степеней. Но в реальности – а мы живем в этой реальности, а не в реальности «благих намерений» – все подобные попытки оказываются крайне лишней «бюрократической инстанцией», «портящей кровь» соискателям степеней и тем, что «удорожает» и продляет и без того длительный процесс. Сначала требовали «публикации», потом три публикации, потом семь, сейчас речь уже идет о 15 публикациях (в отношении докторской степени). Для тех, кто связан с довольно трудным и иногда «травматическим» процессом написания диссертаций (научные руководители, члены диссертационных советов и т.п.), не является секретом, что речь в меньшей мере идет о том, чтобы «улучшить качество» диссертаций, но о том, что защищаться становится все труднее и дороже. В результате страдают, прежде всего, те, кому эта «интенция» «по идее» должна была дать преференцию, а именно, молодые и талантливые ученые: публикации – чтобы ни говорили по этому поводу – как правило стоят денег (для молодого ученого значительных, а для того, кто прибегает к помощи «дельцов-от-науки», не очень обременительных) и публикуются не очень скоро. Не секрет, что существует много «контор», которые почти «мгновенно» разместят в «нужных журналах» статьи за немалые для начинающего ученого деньги.

Сам список привилегированных изданий – дело довольно сомнительное, особенно как это решается в случае «списка ВАК». В «список ВАК» включают исходя не из мнения экспертов, но прежде всего руководствуясь формальными признаками, например, наличие регулярности или процедуры подписки. И теперь, довольно сомнительная для тех, кто живет в научном мире гораздо дольше «списка ВАК», процедура научной вменяемости получает дополнительную подпорку в наукометрических показателях, выделяясь особой строкой не только в РИНЦе, но и в тех требованиях, которые выдвигают как необходимые требования для достижения научной позиции. И – опять же – речь не идет о самом тексте, исследовании и, тем более, о том, насколько текст или исследование ценно и значимо для той или иной отрасли знания. Просто – цифра, просто – и, увы, не просто – статистика.

Увы, ибо:

1. Отвлекает от научной работы. Конечно, история научного знания, знает и более «суровый» прессинг, например, соблюдение «принципа партийности» в гуманитарном исследовании советского периода... Обходили, конечно, и это: нужно было во введении «помахать красным флагом», вставив несколько цитат (ох уж этот «символ»-цитата), а потом... потом уже можно было и заняться «делом». Но зачем самим себе (индекс Хирша же плод фантазии физика-ученого, а не бюрократического или канцелярского работника) создавать ненужные и пустые хлопоты?
2. Создает определенную ценностную ориентацию у молодого ученого. Это, наверное, самое «грустное» в сюжете с наукометрией. Молодые ученые формируются как ученые с «жесткой» ориентацией в большей степени на повышение своих наукометрических показателей, чем на мысль....
3. Формирует ложные телосы научного исследования....
4. Список можно продолжить... да и писать об этом сюжете можно, конечно, долго....

Но не за этим я «взял в руки перо», чтобы обличать ту тенденцию, которая сейчас набирает все больше и больше оборотов. Хотя свою позицию, без сомнения, обозначить было необходимо...

Текст же «заточен» на другое...

Это – просьба и призыв возвести абсурд в степень абсурда и этим продемонстрировать его абсурдность. И, конечно, произвести (наш «ответ Чемберлену-наукометрии) подсчет тех, кто разделяет

сомнения и опасения во все большей и большей «наукометризации» науки....

Я ни в коей мере не ставлю перед собой цели, которые диктуются наукометрией (хотя, конечно, как профессор СПбГУ выполняю все предписанные ритуалы наукометризации, которые требуются)... но я призываю всех, кто не согласен, ссылаться на эту статью, чтобы, бесконечно возросший индекс Х и индекс Ц показали всю абсурдность и нелепость того пути, по которому сейчас заставляют идти науку...По крайней мере можно «повеселиться», наблюдая рост этих индексов, отмечающих в своей динамике не научную мысль, но – пустность самих себя.

Присоединяйтесь, господа и дамы....

...

Цитировать гуманитарий умеет, и знает подлинную цену цитаты. Цитату можно вырвать из контекста, процитировать фразу, слово, даже букву... Цитата – просто иногда удобный инструмент... Но не стоит делать из нее господина или идола...

Я полагаю, что мы, научные «работники» и без индекса Х и Ц знаем, кто чего стоит...

И это специфика научного мира...Здесь не спрячешься ни за титул, ни за звание, ни, тем более, за возросший или упавший индекс Х или Ц...

И мне очень бы не хотелось, чтобы научное знание оказалось не мыслью, открытием, но – простой цифрой в бумажном или электронном отчете...